[24] *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки в ее отношении к истории словарного состава русского языка (проблема реконструкции). Автореф. дис. . . . . докт. филол. наук. М., 1981, 12, 20.

Х. Шустер-Шевц

ДРЕВНЕЙШИЙ СЛОЙ СЛАВЯНСКИХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ОБЩЕСТВЕННО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ И ИХ СУДЬБА В СЕРБОЛУЖИЦКОМ ЯЗЫКЕ

Славянская социально-экономическая и общественно-институциональная терминология представлена относительно устойчивой лексико-семантической группой слов. Она начала формироваться еще в праславянском языке и уже тогда обнаружила свой явно терминологический характер. Ее возникновение и развитие теснейшим образом связано с историей славянского этноса, его внутренней консолидацией и связями с другими народностями.

К названному кругу терминов принадлежат лексемы, которые указывают, во-первых, на объединения людей по этническому и территориальному признакам (**plemę*, **župa*), во-вторых, свидетельствуют о социальной дифференциации между группами и отдельными лицами (**župan*, **žьpanъ*, **hъpanъ*, **kъnędzь*, **vitędzь*, **vetьnikъ*, **čeljadь*, **smьrdъ*, **kъmetь*, **cholpъ*, **otrokъ*, **orbъ*) и, в-третьих, указывают на правовые отношения между ними (**větje*).

В процессе формирования соответствующей терминологии важную роль играли специфические социальные и общественные отношения родового строя и общества эпохи перехода к феодализму. В результате формирования новых производственных отношений, сильного прироста населения и связанного с этим территориального распространения славянского этноса в центральной и юго-восточной Европе у славян начали возникать самостоятельные феодальные государственные структуры. Это повлекло за собой существенное изменение первоначальной функции и старого семантического содержания названных терминов, а в отдельных случаях привело к пополнению их состава лексическими заимствованиями. Часть терминов выходит из употребления вследствие новых социально-экономических отношений, формирующихся в эпоху феодализма.

Особая ситуация возникла в древнесерболужицком языке (т. е. в бывших западнославянских диалектах между реками Заале/Эльбе и Одер/Нейссе). Здесь в IX в. началось, а в X—XI вв. уже в значительной мере закончилось политическое, экономическое и социальное порабощение древнесерболужицких племен в результате немецкой феодальной экспансии на восток. Во многих районах этой области коренное славянское население было германизировано. Все это привело к тому, что внутреннее славянское развитие указанной лексической сферы было внезапно прервано, а старые славянские

термины, если они еще не были утрачены, подверглись определенной функциональной перестройке в соответствии с новыми политическими и социальными отношениями.

При этом исследователь может опираться на относительно хорошие источники. Часть старых славянских политических и правовых учреждений вместе с соответствующими названиями еще использовалась после включения древнесерболужицких племен в средневековую немецкую феодальную структуру. Свидетельством этого является довольно большое количество Slavica, сохранившихся в древнейших латинских и немецких письменных источниках. Они являются одновременно и важными источниками изучения древнелужицкого языка [1].

При конкретном лексическом (ономасиологическо-семасиологическом) и этимологическом анализе отдельных лексем мы рассматриваем их в той последовательности, в которой они приведены выше.

1. **pelmę*

Для обозначения племени как объединения родов или фратрий, которые имеют общую территорию и пользуются общим языком (племенным диалектом), в славянских языках древнего периода не было единого термина. Исторические источники обычно дают только конкретные названия племен, иногда с атрибутом **zemła*, ср. в районе распространения древнесерболужицкого языка названия *Daleminci / Glomaci*, *Lu(n)sici*, *Milca(e)ni* и *terra Milsca*. Слово **pelmę* (рус. *племя*, польск. *plemię*, чеш. *plémě*, с.-хорв. *plême* и т. д.), которое позднее использовалось в отдельных славянских языках для обозначения этой общественной организации, в данной терминологической функции является более поздним по своему происхождению и первоначально обозначало только 'род, поколение, потомки'. Так, например, в русском языке засвидетельствовано значение 'племя, род' только в XIV в. (Срезневский: *племя великое*). В сербохорватском языке известно еще значение 'большая семья' (с.-хорв. *zadruga*), которое П. Скок (Skok II, 681) рассматривает как более древнее, первоначальное значение данного слова («Prvobitno se značenje 'Grossfamilie', koja potiče od praoca, očuvalo u Crnoj Gori»). Серболужицкому языку **plemę* неизвестно. Соответствующим верхнелужицким лексическим эквивалентом является *splah* (в нижнелужицком эта форма не засвидетельствована), который первоначально также обозначал только 'род' (Св. 1721: *gens=lud*, *zplahw*). Оба слова этимологически родственны и восходят к общему и.-е. корню **(s)pel-* 'колоть, расщеплять, отщеплять' (отсюда 'происходить, быть родом'); родственным является также **plodъ*, ср. рус. *плод*, диал. *плода* 'потомство, потомки'. В.-луж. форма *splah* 'род, племя' с относящимися сюда глаголами в.-луж. *(s)plahować* и н.-луж. *(s)plagowaś* 'выращивать, разводить (животных); культивировать (растения)' из праслав. **(s)pleg-*, а рус. *племя* и т. д. из праслав. **ple-men* (форма без подвижного *s-*). Следовательно, *род* (*племя*) обозначало то, что отделилось от общего ствола (шия) [2]. В современном верхнелужицком языке наряду с лексемой *splah* употребляется

в значении 'племя' еще и форма *kmjen* (Rěz. Wb.). Вероятно, она пришла из чешского языка (депалатализация конечного *-n*!), где, по мнению В. Махека (Machek[2], 261), произошло расширение значения — от 'ствол дерева' к 'племя' — под влиянием немецкой основы *Stamm* с тождественным значением. Впрочем, такое расширение могло возникнуть в чешском языке и самостоятельно. В нижнелужицком языке *kmjeń* известно только в значении 'побег, отросток, ветвь, ствол, росток, пень, корень'.

2. **župa*

К древнейшим из интересующих нас терминов относится слово **župa*. Первоначально оно означало небольшую территорию племени, на которой были объединены несколько родовых общин или фратрий (сельских поселений).[3] Это безусловно очень древнее слово, семантическое содержание которого яснее всего сохранилось в сербохорватском языке. Отмечены следующие значения: 1. 'izpravno ime za područje kojim upravla župan, vlastolin kao vazal suverena vladara, kasnije i za maće upravne jedinice sve do seoskih općina sa seoskim županom na čelu i do većih kućnih porodičnih zadruga s jedne strane, a do crkvenih općina sa župnikom na čelu s druge strane; nadale župa znači još i zemlju blaga podneblja; 2. žitelji župe, čeljad kućne zadruge etc.' Это слово в сербохорватском языке засвидетельствовано с XI—XIII вв. (1070 *juppa*, 1242 *supa*; Skok III, 68). Для современного серболужицкого языка в Верхней Лужице лексема *župa* впервые отмечается словарем К. Т. Пфуля (1866) в значении 'племенной округ' (Pfuhl 1052). Но это возрожденное слово, возвращение которого произошло под влиянием чешского языка (ср. чеш. *župa* с тем же значением). Но и в чешском языке это слово в более древних источниках не засвидетельствовано. Его исконность подтверждается, однако, как в серболужицком, так и в чешском наличием производного слова *župan*. В древнесерболужицком оно впервые засвидетельствовано в XII в. (1181 г.: *quos lingua sua supanos vocant*) [4]. К тому же веку относится цитата из немецкой императорской хроники, связанная с Чехией: *man houbet die suppane, der herzoge vil kume entran* [5]. Историки считают также, что под 124 крепостными округами (civitates) древнесербской области, названными Баварским географом (IX в.), имелись в виду первоначальные территориальные единицы, соответствующие жупам [6]. Восточнославянский и польский языки также знают лексему *župa*, но здесь она означает 'соляной рудник', в южно- и западноукраинском, кроме того, 'район, округ' (территориальная единица). Упомянутым восточнославянским и польским лексемам соответствует др.-болг. *жупиште* 'могила'. Совершенно очевидно, что речь идет об очень древнем архаичном термине, который возник еще в праславянскую эпоху. В связи с последовавшей затем перестройкой социально-экономических структур в период феодализма он утратил свою первоначальную функцию и приобрел дополнительные значения (административный район, округ; община, церковный приход, собрание членов общины), или был исключен из состава активной лексики.

О древности этого термина говорят его родственные связи в рамках индоевропейского. Прежде всего необходимо сопоставить с н.-в.-нем. *Gau*, др.-в.-нем. *gewi*, ср.-в.-нем. *gou*, гот. *gawi*, в основе которого, как и праслав. **župa*, лежит и.-е. корень **gheu-* / **gheu-* 'знять и гнуть (кривой, сводчатый, выпуклый)'. В славянском этот корень с детерминантом *-p-* (**gheup-*), ср. к **gheubh-* норв. диал. *gop* 'ущелье, пропасть', англосакс. *geap* 'широкий, просторный, открытый', др.-исл. *gaupn* f. 'ладонь, горсть' и к **gheubh-* англосакс. *geap* 'кривой, хитрый', с детерминантом *-p-* также греч. γήπη 'пещера, убежище, укрытие' (Pokorny I, 395, 449—450). В качестве первоначального значения слова **župa* можно поэтому установить: 'открытая полоса территории, расположенная в низине (долина, речная долина)'. Это предположение подтверждается также археологией, которая обнаруживает поселения людей преимущественно на равнинах, в поймах рек, у озер и в защищенных долинах. Значения 'соляной рудник' и 'горный рудник', засвидетельствованные в восточнославянском и польском, как и болгарское значение 'могила' в связи с этим должны рассматриваться как особое семантическое развитие, в основе которого лежит семантема 'вогнутый, изогнутый' (соляной рудник как углубление, из которого добывают соль, и могила как яма, в которую кладут умершего). Вероятно, речь идет об очень древней семантической дифференциации одного и того же и.-е. корня.

Ряд других славянских слов указывает на то, что и сема жупа по-видимому состояла из нескольких территориально смежных подъединиц, которые назывались **osada*, **opole*, **pogostъ* и, может быть, также и **volstь* (рус. *волость*) [7]. Из них в серболужицком языке существует только *wosada* со вторичным значением 'церковный округ, епархия, церковная община (территория и жители)', ср. также в.-луж. *cyrkwinska wosada* 'церковная община'.

3. **županъ*

**zupanъ* — лицо, стоящее во главе жупы — у славян, как свидетельствуют исторические источники, отождествлялся чаще всего с выборным главой племени. Так Константин Багрянородный (905—959), сообщая о так называемых белых хорватах и сербах, пишет, что первоначально (т. е. в VII и VIII вв.) ими управляли (выборные?) старейшины племени — жупаны (*supanos* —ζουπανος), а позднее они передали власть архонтам (αρχοντας) и князьям, назначаемым императором Василием I (867—886) [8]. К 777 г. относится упоминание жупана Физо (из Каринтии), который управлял небольшой славянской территорией, пожалованной ему в качестве лена монастырем Кремсмюнстер [9]. Ср. далее недатированную надпись на серебряной чаше с именем протоболгарского вельможи (ζουτανος μέγας) [10], а также ст.-слав. жупанъ (Codex Suprasliensis). Как видно из приведенных примеров, с формированием раннефеодальных отношений институт жупанов (выборных вождей племени) все больше теряет свое значение, и сам жупан попадает во все большую зависимость

от князя, обладающего абсолютной властью. В качестве его вассала он занимал порученные ему правительственные и административные должности. Надежные свидетельства о существовании имени *županъ дошли и из древнесерболужицкой области, ср. наряду с уже упомянутым примером от 1181 г. еще и следующие примеры: 1225: *Merboto — Supan*; 12 895 *unum suppanum*; 1307: *eldeste ader suppan* [11]. Серболужицкие жупаны были лицами, которые назначались немецкими феодалами и выполняли определенные административные задания (officium supanatus), предусмотренные немецкой средневековой феодальной администрацией. Они стояли во главе так называемых жупаний (нем. *Supanien*) [12] и выполняли обязанности сельских старост и заседателей на судебных процессах, где разбирались дела подданных серболужицкой национальности. За эту работу они вознаграждались мелким леном, не подлежащим обложению пошлиной. Согласно имеющимся источникам описанная ситуация (т. е. использование бывших славянских жупанов немецкой феодальной правящей прослойкой) была характерна прежде всего для области, расположенной по Средней Эльбе. В серболужицких областях к востоку от Эльбы — в Верхней Лужице — эту же роль выполняет *витязь* (др.-луж. *wit'az* <праслав. **vitędzь*), о котором мы скажем дальше. Иначе представлялась ситуация др.-луж. жупана в Нижней Лужице. В этой области, богатой лесами, со времени средневековья существовали многочисленные артели, которые интенсивно занимались пчеловодством и связанным с ним добыванием меда и воска. Членами этих артелей в соответствии с этническим составом местного сельского населения были главным образом серболужичане. Избираемый ими председатель артели назывался *жупан* (ср. в н.-луж. словаре Я. Хойнана 1650 г.: *Schupan* 'пасечник, пчеловод') [13]. Этот факт свидетельствует о том, что древние серболужицкие пчеловодческие артели, по всей вероятности, были организованы по принципу слав. жупы и поэтому продолжали применять соответствующую терминологию. Жупан, возглавлявший артель, должен был выполнять прежде всего судебные функции и функции распорядителя, улаживать ссоры между членами артели, распределять пчелиные пасеки и т. д.

Что же касается этимологии слова **županъ*, то эту лексему, как уже подчеркивалось, нельзя отделить от праслав. **župa*; окончание **-(a)nъ* является словообразовательным формантом, как в с.-хорв. *bratánac* 'племянник (сын брата)' или в чеш. *tchán* 'тесть, свекор'. Мы считаем маловероятным аварское (тюрко-татарское) происхождение этого слова и сравнение его с такими формами, как *kagán — kan* или *Bajan — Bojan — ban*, поскольку признаем его однозначное родство с **župa*. Указанную точку зрения отстаивал прежде всего А. Брюкнер (Brückner, 668). Но до сих пор не удалось привести ни одной тюрко-турецкой лексемы, которую можно было бы рассматривать в качестве основы для заимствования этого славянского слова. Неправдоподобно и предложение В. Махека (Machek [2], 731), который пытался объяснить **županъ* с помощью гаплологии из **župy panъ*.

4. *špán* (**žьpanъ*)

Со словом **županъ* тесно связано *špán* 'глава округа, обладатель других высоких должностей', засвидетельствованное в древнем словацком, хорватском и словенском языках. Эта славянская лексема, регионально ограниченная, обычно рассматривается как древнее сокращение от **županъ*. Хорватский этимолог П. Скок реконструирует **žъpanъ* с редуцированным гласным заднего ряда (ъ), но упоминает также и хорв. диал. *žápan*, что могло бы указывать на первоначальное **žьpanъ* с передним редуцированным. В то время, как большинство славянских исследователей исходит из того, что слав. *špán* только позднее проникло из словацкого в венгерский язык (ср. венг. *ispán, spán*) [14], швейцарский славист Р. Цетт высказал противоположную точку зрения, считая наоборот словац. и словен. слова заимствованиями из венгерского [15], он обосновывает ее тем, что *špán* распространено главным образом в тех славянских языках, которые когда-то принадлежали венгерскому королевству. Венгерский язык, в свою очередь, уже в очень ранний период должен был заимствовать слав. *županъ* из славянского и при этом сократить его в *špán*. Помимо того, что гипотеза Цетта не является достаточно убедительной с формальной точки зрения, ее автор мог не знать, что лексема *špán* в древнейшую эпоху по всей вероятности была известна и в серболужицком, а именно в верхнелужицком. Подобно жупану и другим терминам интересующей нас лексической группы, она часто встречается в верхнелужицкой антропонимике. См. соответствующие примеры: *Span Martin, Spanik Mates* (14 в.) [16], *Bartel Span, Pfarrer zu Prietitz* (1532) [17], в других древних документах: 1428, 1658 *Span*, 1437 *Spangko* [18] и т. д. Собственное имя *Span(k)*, кроме того, и сегодня является одним из распространенных антропонимов в Верхней Лужице [19]. Так как для верхнелужицкого языка возможность заимствования из венгерского должна быть исключена, то все говорит за то, что в случае *špan* речь идет не о заимствовании, а о варианте формы **župan*, которая, вероятно, восходит к праславянской диалектальной форме **žьpanъ*.

Правда, существует также принципиальная возможность связать упомянутое личное имя с немецким влиянием. Следовало бы тогда сослаться на нем. *Span*, представляющее собой краткую форму нем. *Gespan* 'товарищ, спутник' [20]. Оно заимствовано словенским языком и встречается здесь рядом с упомянутым *špán* в значении 'товарищ, возлюбленный' (омоним диал. *špán* 'эконом') [21]. Но это предположение для серболужицкого маловероятно, так как ни верхне- ни нижнелужицкий не подтверждают существования такого рода апеллятивов.

5. **gъpanъ*

К древним славянским терминам, обозначающим представителей привилегированного высшего слоя общества принадлежит слав. *пан*, которое на основе др.-чеш. примеров *hpán, hpáni, hpána* должно быть реконструировано как **gъpanъ*. Эта лексема засвидетельство-

вана также в польском, словацком (здесь первоначально только в западнословацких диалектах, в центре и на востоке — *špán*)[22] и в верхне- и нижнелужицком. В последнем случае она в настоящее время не относится к активной части словарного состава, но зато с избытком засвидетельствована в народной словесности, в текстах XVI—XVIII вв., в антропонимике и топонимии. Высказываемое иногда мнение, что луж. *pan(i)* связано с чешским влиянием (Machek[2], 431), не находит подтверждения. В современных польском и чешском языках *pan / pán* означает 'господин (dominus), дворянин, магнат, аристократ, барон, крупный землевладелец, помещик'. Эти значения типичны для феодальной структуры общества. В серболужицких источниках *pan(ik)* зафиксировано только в общем значении 'господин, лицо, принадлежащее привилегированному слою', и оно относится исключительно к серболужицкой национальности. Для обозначения феодала или крупного землевладельца, которые являлись у серболужичан главным образом немцами, в серболужицком используется название *knjez*, *knježk / kněz*, *kněžk*.

Можно поэтому предполагать, что в серболужицком языке сохранилось более древнее значение слова *pan* (**gъpanъ*), которое должно было быть характерным для последней фазы родового строя (переход к феодальному). Как показывает лингвистический анализ, слово *pan* также с большим трудом можно отделить от **županъ*[23]. Обе лексемы являются правдоподобно двумя различными вариантами одного и того же и.-е. корня (**gъpanъ*<**goup-* и **županъ*<**geup-*). Другую точку зрения защищает О. Н. Трубачев. В своей статье «Из славяно-иранских отношений» (Этимология, 1964, с. 71—76) он отделяет праслав. **gъpanъ* от **županъ* и рассматривает его как независимое заимствование из иран. **gu-pana / *gau-pana* 'пастух крупного рогатого скота'. Следуя за уже цитированным выше А. Брюкнером, он убежден, что также **županъ* в славянском является иностранным инфильтратом, скорее всего аварского происхождения. Нам эта точка зрения представляется менее вероятной, так как **županъ* отделить от слова **župa*, по нашему мнению, невозможно. Правда, и для праслав. **gъpanъ* не удалось до сих пор обнаружить соответствующей корневой формы, которую можно бы рассматривать как его производящую основу. Но если мы будем и здесь исходить из предположения, что первоначальное значение корня **gъp-* было 'углубление, щель, зев и т. п.', то представляется возможным сопоставить его с польск. *gapa* 'ротозей(ка), зевака', а также с польским гидронимом *Gopło* (озеро). Аблаутные отношения являются здесь такими же, как в польск. *tani*, кашуб. *toni* и словен. *tonj* 'дешевый' в сравнении с русск. *туне* и луж. *tuni* то же.

6. **kъnędzь*

При первом историческом упоминании северных сербов или сорбов (631/2 г.) франкским хронистом Фредегаром мы узнаем о существовании древнелужицкого князя (главы племенного союза): «Dervanus, dux ex gente Surbiorum». О главах племен у древних сорбов сообщают также и другие источники: в 806: *Milidouch, rex superbus, qui regnebat in Siurbis*», 858: . . ., *quod Sorabi duce eius Zistibor*, 879: *Tchahulfus comes et dux Sorbici*. Все это доказывает, что во второй половине первого тысячелетия общественное развитие древних сербов/сорбов настолько продвинулось вперед, что возникли у них уже большие племена или союзы племен. Во главе их стоял, вероятно, (выборный) племенной вождь (князь). Он мог называться только **kъnędzь* (герм. **kuningas*), ср. современное в.-луж. *knjez*, н.-луж. *kněz*. Значение 'князь' (нем. *Fürst*) для серболужицкого языка не засвидетельствовано; это связано с тем, что после политического подчинения серболужичан этот институт прекратил существование, а значение, связанное с ним, было утрачено. В «Магдебургских глоссах» (XII в.)[24], где впервые находим письменное упоминание слова *kněz*, оно имеет уже церковно-терминологическое значение '(небесный) господь, бог' (*knize — domine, knize boch nas — domine deus noster*), ср. также в.-луж. выражение *bóh tón knjez* 'бог'. В современном же серболужицком языке *knjez*, *kněz* применяется прежде всего как обращение, соответствующее нем. *Herr* (господин), а его уменьшительная форма *knježk / kněžk* употребляется в значении 'владелец, собственник, повелитель' (глава племени был не только военным владыкой, но в значительной мере также и собственником земли). Значение 'священник, духовное лицо, проповедник', засвидетельствованное в других западнославянских языках (польск. *ksiądz*, чеш. *kněz*, словац. *kňaz*), в серболужицком языке также не известно. И здесь причиной различий является то, что в древнесерболужицких областях церковная организация с самого начала находилась в руках немецких церковных князей, которые одновременно управляли феодальным поместьем. Специфический характер ономасиологической ситуации в серболужицких языках, о которой речь шла выше в связи со словом **kъnędzь*, является причиной того, что и термин *pan* здесь не получил значения, которое свойственно ему в соседних языках — польском и чешском. В этих языках он обладает рядом позиций, которые в серболужицком заняты освободившимся от своей первоначальной функции **kъnędzь*.

7. **vitędzь*

В средневековых источниках, происходящих из области между Эльбой и Заале, засвидетельствован еще один термин для обозначения должностного лица славянской национальности. Он выполнял функции, подобные тем, что исполнял древнелужицкий *župan* (судебный заседатель, сельский судья). Речь идет о древнелужицком слове *wit'az* (**vitędzь*). Впервые оно встречается в уже упомянутом документе от 1181 г. . . . *quod statutis tantum temporibus — in equis servientes, id est withasii, ad conprovinciale jus, quod lantdinc dicitur, veniant, qui, quae dicuntur, jubentur, agentur, statuuntur, suis referant*, ср. также 1307: *Swelch edelste ader suppan, witschacz ader zmurt* . . . 1334: *sub rusticis, qui dicuntur witschen* и т. д.[25] Как видно из латинской формулировки «in equis servientes», др.-луж. *wit'azi* наряду с выполнением государственной службы несли еще и своего рода 'гужевую повинность'. За свои услуги немецкой власти др.-

луж. *wit'azi* (в адаптированной немецкой языковой форме *Witzessen*, *Weithasse*, *Wutzschen* и т. д.), как и *župani*, вознаграждались ленным поместьем (в размере одного или нескольких гуфов). Эта особенность нашла отражение в более позднем в.-луж. значении слова *wićaz*, которое означает сегодня 'издольщик, крестьянин-арендатор, владелец феода', ср. также в.-луж. собственное имя *Wićaz* с его нем. соответствием *Lehmann*.

В других славянских языках для праслав. **vitędzь* (если оно сохранилось), засвидетельствовано преимущественно значение 'герой, витязь, богатырь, рыцарь' (рус., укр. *ви́тязь* 'герой, витязь, богатырь', др.-рус. *витезь* 'член дружины', с.-хорв. *vȉtez* 1. 'конник (čovjek sa konjem)', 2. 'рыцарь (pripadnik plemenitog reda, staleža)', 3. личное имя, топоним и ороним; словен. *vȋtez* 1. 'рыцарь', 2. 'боец, слуга начальника, солдат'; болг., макед. *ви́тезь* 'герой, рыцарь', чеш. *vítez*, словац. *vit'az* 'победитель, рыцарь, герой'; сюда же относится польск. *zwyciężyć* 'победить', рус. диал. *витязить* 'нападать, наездничать, странствовать' и чеш. *vítezit* 'победить'. По поводу этимологии реконструируемого **vitędzь* существует две различные точки зрения. Одни этимологи вслед за Миклошичем (Miklosich 393) и Фасмером (Фасмер I, 206) предполагают заимствование (Фасмер: «Несомненно заимствование **vitędzь* из герм. **viking-*, др.-исл. *víkingr*»), другие исходят из исконно славянского происхождения этого слова (Brückner 658; Machek[2] 692). Защитники первой гипотезы указывают на близкое по звучанию и значению имя нормандского мореплавателя и завоевателя *Wiking* (*Wikinger*). При этом проблемой является установление хронологического соотношения обеих лексем, на что неоднократно указывалось [26]. В то время, как **vitędz*, имеющее общеславянский характер, безусловно должно быть праславянским по своему происхождению, германские примеры ведут начало только от более позднего времени: англосакс. *víking* — VIII в.; другие примеры относятся к еще более позднему периоду. Трудности возникают также в формальном и семантическом отношении. Предполагаемая обычно диссимиляция $k - g > t - g$ носит изолированный характер. Неясным остается также выпадение конечного *-r* (*vikingr*) в славянском. Нормандские викинги были прежде всего воинами, действующими на море и со стороны моря (пираты, ср. Адам фон Бремен: «piratae quos illi withingos appellant, nostri ascomannos»). Славянское же **vitędzь* с архаическим семантическим вариантом 'конный воин', напротив, со всей очевидностью указывает на существование тесной связи с крестьянским населением, которое оказывало какую-то военную помощь главе племени. Правда, и защитники исконно славянского происхождения слова не могут сослаться на однозначную этимологию. Однако, по нашему мнению, можно убедительно связать его с праслав. **vitь* 'добыча, трофей', ц.-слав. *vъzvitь* 'польза, выгода, прибыль, барыш', которое родственно лит. *výti* 'гнать, преследовать, догонять', *vỹtis* 'герой, рыцарь, конный связной' (Fraenkel, 1268), лтш. *vajât* 'преследовать, притеснять' и др.-инд. *vêti* 'преследуемый'. Тогда выявилась бы также связь с близким по значению праслав. **vojinъ*, **vojьna*, **vojakъ*, на что уже неоднократно указывалось. Древнейшим значением слова следует, по нашему мнению, признать следующее: 'крестьянский помощный воин с лошадью, который во время военных походов или при защите территории своего племени добровольно поддерживал главу племени'. За это он получал определенные материальные льготы (распределение земли, участие в военных трофеях, освобождение от податей). Но первоначально **vitędzь*, вероятно, не принадлежал еще какому-то постоянному военному подразделению, которое материально содержалось князем. Это первоначальное значение слова, кажется, просвечивает еще и в функциях др.-луж. *wit'az*. Он оказывает услуги на лошади («in equiis servientes») и выполняет поручения в рамках феодальной администрации. Но др.-слав. **vitędzь* одновременно является доказательством того, что у славян в конце родового строя начала формироваться система дружин, в которой **vitędz* в значительной мере выполнял военные задания по поручению князя. При этом неизбежно на первый план все сильнее должны были выступать семантические оттенки 'воин, герой, рыцарь'. Позднее, в связи с формированием феодальных отношений эти оттенки в большинстве славянских языков стали доминирующим значением слова.

8. **větьnik*

В связи с др.-луж. *wit'az* в исторической литературе часто со ссылкой на средневекового хрониста Титмара Мерзебургского (975—1018) называется др.-луж. интеграт *vitenici* как обозначение определенного рода славянских (серболужицких) служилых людей [27]. Так, описывая взятые крепости Мейссен (в.-луж. Мишно) сыном Болестава Храброго, Титмар (1002) упоминает «satellites dicti Sclavonice vethenici», которые живут у восточных ворот крепости (lib. V, cap. 9). В другом месте хронист говорит о «Wethenici ex suburbio», которые в 1009 г. должны были быть проводниками у поляков во время их неудачного нападения на крепость (lib. VI, cap. 95). Наконец, в третьем месте он упоминает «Weteenici», которые в 1015 г. отправились с передовых укреплений крепости в главный замок, так как опасались взятия предместья (lib. VII, cap. 23). Единообразие в написании этого слова (с *-e-*) доказывает, что речь идет о самостоятельной лексеме, отличной от **vitędzь*. Первоначальной формой слова могло быть только **větьnikъ*, pl. **větnici*. Оно родственно рус. *вет*, др.-рус. *вѣтъ* 'совет, договор', рус. *ответить* и также др.-рус. *вѣче*. Точное формальное соответствие представлено в рус. диал. *ветник* 'советник' (Филин 4, 196: «Король по палатушке похаживает, ажно увидел двух своих ветников-советников, двух любезных королевских племянников»). Форма и содержание слова свидетельствуют о том, что речь идет об особой группе подчиненных слав. служилых людей, которые служили нем. владельцу замка в качестве советников и переводчиков. О возможности существования такой общественной группы у серболужичан говорит и в.-луж. топоним *Wěteńca* (1225 Witeniz, 1374 Wetenicz, Wythe-

nicz, нем Dürwicknitz, р-н Каменц), которое следует интерпретировать как *Větьnica 'поселение ветников'.

Со словом *větьnikъ тесно связано древнеславянское обозначение племенного собрания *větje (др.-рус. *вѣче*), которое имело в серболужицком форму *wěco* и обозначало здесь 'суд' (ср. для н.-луж. языка запись: *Twojo wěco wot njogo jo daloke* «Твой суд далек от него», Вольфенбюттельская Псалтырь XVI в.[28]; для в.-луж. языка: *Fojtske wěco při sudniskim stole w Hodźiju* «Собрание фогтов при судебном столе в Годжий»[29]. Как при других рассмотренных терминах, так и здесь наблюдается явное изменение первоначального значения: 'слав. народное или племенное вече'>'суд, суждение; подчиненная институция сельского суда для подданных серболужицкой народности'.

9. *čeljadь

Праславянское общество в конце существования родового строя еще не знало антагонистических классов в том смысле, в каком мы говорим, имея в виду более поздний феодальный период. Тем не менее и в это время должны были существовать уже определенные социальные различия. Это находит выражение в наличии соответствующих терминов для низших слоев общества. В первую очередь назовем здесь собирательное *čeljadь. Первоначально оно обозначало «зависимого» члена славянской большой семьи. Этимология слова не вызывает сомнений: исходить следует из корня *čel-, который расширен архаичным суффиксом собирательности *-jadь; родственным является праслав. *čel (čьl)ověkъ 'человек', *čelnъ 'член тела', а также *čьlnъ 'челн, ладья, лодка'. В качестве праслав. первоначального значения следует считать 'член коллектива, большой семьи'. Яснее всего оно сохранилось с.-хорв. *čȅljâd* 'домашняя прислуга, дворня, челядь, члены семьи, домочадцы, женская домашняя прислуга, члены семьи с женщиной и ребенком'. В других славянских языках позднее выступает на передний план компонент значения 'социально зависимые лица (прислуга, дворня, челядь)', которые со своей рабочей силой нанимаются к другим лицам, владеющим землей (крестьянам, феодалам, мастерам цеха / гильдии), ср. рус. *челядь*, польск. *czeladź* 'прислуга, челядь; подмастерья' и т. д. В серболужицком языке с XVI в. засвидетельствовано в.-луж. *čeledź*, н.-луж. *celaź* в значении 'сельские батраки' и в.-луж. *čeladnik*, н.-луж. *celaźin* 'слуга'.

10. *smьrdъ

Другой социальной группой, которая отчетливо выделяется уже в позднепраславянский период, являлись *smьrdi, sg. *smьrdъ. Это был вероятно самый низкий слой славянского крестьянского (сельского) населения. Но в славянских языках широкое распространение этого термина ограничивается только периодом средневековья (до XIV—XV вв.). Позднее он полностью выходит из употребления и заменяется другими терминами, прежде всего названиями барщинного крестьянина (рус. *мужик*; в.-луж. *robočan*, н.-луж. *bonaŕ* и т. д.).

Более древние примеры относятся к древнецерковнославянскому языку (древнеболгарскому): *смърдъ* (plebeius), *смрьдъ* 'низкого сословия' (Sadnik—Aitzetmüller 122), ср. также др.-рус. *смьрдъ*, рус. *смерд* 'простолюдин, крестьянин, крепостной с различной степенью зависимости', др.-польск. *smard* с этим же значением, а также 'бездельник, шалопай, дармоед'. В современном серболужицком языке нет соответствующей лексемы. Она не засвидетельствована и древними письменными источниками верхне- и нижнелужицкого языков. Ее существование не подтверждается и данными серболужицкой антропонимии и топонимии. Зато значительное число примеров снова появляется в древних средневековых источниках, происходящих из области, расположенной между Эльбой и Заале. Первый пример относится к 1040 г.: . . .cum omni pertinentia — mancipis utrisquo sexus et colonis, qui vulgo vocantur *smurdi* и . . . com omnibus partinenciis — sive etiam utrus que sexus familiis aldionibus vel *smurdiis*, подобно этому и 1041: . . . decem regales mansos cum X *zmurdis* et illorum uxoribus, filiisque. . ., 1181: . . . ceterii liti, videlicet hoc et *zmurdi*, qui cottidiano servicio imperata faciunt . . . и т. д.[30] Это слово как составная часть обозначения величины земельного надела («Smurdenhufe») существовало в измененной фонетической форме вплоть до XVI в.: 1. Zu Taucha am Ried Pachen sind . . . 8 schmordthufen; 2. Kisteritz hat XVII schmordt huffen; 3. Es sund schmordt huffen genannt, darauf die pawren wohnen[31]. Латинские соответствия — *colonus* 'арендатор, поселенец', *aldio* 'полусвободный человек, крестьянин' и выражение «servicio. . . facient», подтверждают, что речь идет об однозначном понимании *Smurden* как 'зависимые крестьяне'.

Распространено мнение, что *smьrdъ связано с праслав. *smьrděti 'вонять, издавать зловоние', чередующимся с *smordъ 'вонь, смрад, зловоние'. Это считается свидетельством пренебрежительного, отрицательного отношения феодального класса к зависимому сельскому, крестьянскому населению[32], занятому преимущественно «грязной» работой — скотоводством и земледелием. Однако эта точка зрения, которую раньше разделяли и мы[33], слишком мало учитывает действительное положение вещей. Совершенно очевидно, что она возникла под влиянием того представления о крестьянстве, которое сложилось в эпоху феодализма. Напротив, в период родового строя член племени, занятый производством пищи, был лицом, пользовавшимся всеобщим уважением и признанием коллектива. Поэтому едва ли можно предполагать возможность презрительного отношения к нему и отражение этого в пейоративной окраске термина. К тому же сам глагол *smьrděti, вероятно, прошел длительное семантическое развитие. Его индоевропейская основа не обязательно должна была означать 'вонять, издавать зловоние, неприятно пахнуть'. Однако, если исходить из того, что первоначально *smьrdъ принадлежал к группе производителей, которые, не создавая значительного добавочного продукта, имели относительно слабое и нестабильное экономическое положение, то эту праслав. лексему как древнюю форму с подвижным *s-* было бы лучше всего сопоставить с лтш. *mẽrdêt* 'совершенно истощать, морить голодом; (человек)

подлежащий смерти', *mèrdelis* 'изголодавшееся существо' и лит. *mérdėti* 'быть при смерти, бороться со смертью; быть (лежать) больным', без детерминанта *-d* также с лит. *merėti* '(постепенно) истощать(ся)'. Тогда устанавливается значение 'слабое, жалкое существо, часто голодавшее!' Эта лексема родственна праслав. **merti* 'умирать, (т. е. 'становиться слабым, терять силы и, следовательно, приближаться к смерти') и **sъmьrtь* 'смерть', на что указывал уже Ильинский [34]. Для сравнения надо привести др.-инд. *márya-* 'человек, мужчина, молодой человек', греч. μεῖραξ м., ж. р. 'мальчик, девочка' и алб. *shémer* 'наложница, младшая жена, соперница' (Pokorny I, 738—739). Более поздние варианты значения 'простолюдин, крестьянин, крепостной с различной степенью зависимости' связаны с тем, что **smьrdъ*, слабый в экономическом отношении, в развивающемся антагонистическом классовом обществе все чаще попадает в зависимое положение и, наконец, становится крепостным. Но, как свидетельствует история Древней Руси (Псков, Новгород), это развитие не было неизбежным и **smьrdъ* при более благоприятных исторических предпосылках мог продвинуться выше по общественной лестнице и стать также зажиточным крестьянином.

11. **kъmetь*

Как показывают славянские языки, в праславянском языке наряду со **smьrdъ* были известны и другие слова, обозначающие непосредственного сельского производителя. Прежде всего следует назвать праслав. **kъmetь*. Его семантика отличается от семантики **smьrdъ* наличием признаков, свидетельствующих о более высоком общественном статусе данного лица, ср. рус. *кметь* 'воин, дворянин, сельский житель', укр. *кміть* 'барон, богатый крестьянин', болг. *кмет* 'старейшина, деревенский старейшина', с.-хорв. *kmȅt* 'авторитетный, уважаемый крестьянин, третейский судья', словен. *kmèt* 'крестьянин, сельский житель', чеш. *kmet* 'всеми уважаемый старик, старец', др.-чеш. также 'принадлежащий к феодальной аристократии; судья; глава сельского рода, клана, родни; барщинный крестьянин' и польск. *kmieć* 'крестьянин, особенно зажиточный', более древнее также 'барщинный крестьянин; сельский житель'. В серболужицком соответствующий апеллятив отсутствует. Форма *kmjeć*, которая приводится в словарях, является неологизмом. Лишь в Верхней Лужице зафиксирован антропоним *Kmjéć* [35]. Как мы уже несколько лет тому назад, вслед за Ван-Вейком [36], пытались доказать, в этом случае речь идет об исконном славянском слове, родственном с праслав. **kъmenь* 'племя, ствол дерева, побег, отросток'. Его значения в славянских языках более позднего периода свидетельствуют о том, что лицо, обозначаемое словом **kъmetь*, уже в праславянскую эпоху (т. е. при родовом строе) должно было занимать более привилегированное положение, располагая уже определенным крестьянским владением. Благодаря этому при особенно благоприятных условиях в формирующемся классовом обществе он мог (подобно тому, как в случае **županъ* и **vitędzь*) занять положение в привилегированном слое общества (воин, аристократ; придворный

чиновник; судья, судебный заседатель и т. д.). В древнелужицком процесс соответствующей социальной дифференциации, вероятно, не зашел еще так далеко, чтобы после утраты политической самостоятельности крестьяне — кмети в большинстве своем очутились в феодальной зависимости. Для обозначения самостоятельных зажиточных крестьян серболужицким языком в более позднее время было заимствовано немецкое слово (н.-в.-нем. *Bauer*), слово *кметь* здесь уже очень рано выбыло из состава активной лексики, сохранившись только как антропоним.

11. **cholpъ*

В некоторых славянских языках — прежде всего в польском, но также и в восточнославянских, чешском, сербохорватском — наряду с **smьrdъ* и **kъmetь* засвидетельствовано и другое обозначение (крепостных) крестьян, а именно, **cholpъ*. В отличие от названных выше терминов в данном случае с самого начала на передний план более отчетливо выдвинулся такой компонент значения как «несвободный, невольник, раб'. Советский историк Б. Д. Греков пишет: «. . . термин холоп в наших источниках имеет два смысла — широкий и узкий. Под холопом в узком смысле понимали раба (обельный холоп), в широком — холопом называли якобы всякого зависимого человека» [37].

В серболужицком языке *chłop* и уменьшительная форма *chłopc* теперь не относятся к активной части лексики. Как в чешском, словацком и словенском языках, это слово здесь означало только 'крепкий, трудолюбивый, умелый парень'. Значение 'крестьянин' серболужицкому не было известно. Корень **chol(p)-*, как и **čel-* (**čel-jadь*), восходит к и.-е. **(s)kel-* 'отросток, побег, ствол' (с *ch* < *sk*') и первоначально означал 'член человеческого коллектива, ведущий начало от общего рода'. Из семантемы 'молодой, сильный', заключенной в этом значении, впоследствии в зависимости от конкретной семантической структуры выделяется значение 'молодой, сильный человек, парень, юноша' или 'зависимый, несвободный (подневольный), член общества'.

12. **otrokъ*, **orbъ*

Подобную ситуацию, как при **cholpъ*, мы наблюдаем в случае праслав. **otrokъ* и **orbъ*. В серболужицком им соответствуют *wotroč̌k* 'слуга, обслуживающий крестьянина, батрак' (только в верхнелужицком) и *parobk*, *parowk* с тем же значением (только в нижнелужицком). В обоих случаях основным значением было 'молодое, несовершеннолетнее существо', ср. также рус. *отрок* 'мальчик 7—15 лет, слуга, посыльный, мальчик (в гостинице)', др.-польск. *otrok* 'слуга, раб, холоп, барщинный крестьянин, придворный, реже — юноша' и н.-луж. более древнее *parobjetko* 'ребеночек' (XVI в.), рус. древнее *робя*, р. п. *робяте*, рус. *ребенок* и др.-польск. *robię*, *robionek* с тем же значением наряду с др.-рус. *роб* 'раб' [38].

Примечания

[1] См. соответствующую литературу по данному вопросу: *Knothe H.* Die verschiedenen Klassen slavischer Höriger in den wettinischen Landen während der Zeit vom 11. bis 14. Jahrhundert. Neues Archiv für sächsischen Geschichte 1883, IV, 1—36; *Pilk Jurij.* Někotre staroserbske słowa ze srjedžowěkowych lisćinow. — ČMS, 1901, 125—136; *Schmidt H. F.* Beiträge zur Sprach- und Rechtgeschichte der frühen slavischen Bevölkerung des heutigen nordöstlichen Deutschlands. — ZfslPh, 1930, 7, 116—129; *Kötzschke R.* Zur socialgeschichte der Westslaven. Beobachtungen aus dem Mittelelbegebiet, Jahrb. f. Kult. und Gesch. der Slaven 1932, Bd. VIII, 5—36 (или In: Deutsche und Slaven im mitteldeutschen Osten. Darmstadt, 1961, 16—49); *Schlesinger W.* Die Verfassung der Sorben, Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder. Giessen, 1960; *Mětšk F.* Die Stellung der Sorben in der territorialen Verwaltungsgliederung des deutschen Feudalismus, Ein Beitrag zur Rechts- und Verfassungsgeschichte des deutschen Feudalismus im Sorbenland. Bautzen, 1968, 18—38; *Bellmann G.* Institutionelle Terminologie im Sprachkontakt. — Festschrift für Walter Schlesinger. Köln; Wien, 1973, Bd. 1, 87—101.

[2] См. также: *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. VIII (**vъrdati*, **sęčati*, **plęgti*, **kužati* и **kuža*, **mъrx* / **mъrx-* и **myrěti*, **plixati*. — В кн.: Этимология 1978. М., 1980, 19—31, ср. *Schuster-Šewc H.* Modelierung semantischer Prozesse und Etymologie. Slawische Wortstudien. Bautzen, 1975, S. 12—19.

[3] Słownik starożytności słowiańskich. Encyklopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych go schyłku wieku XII. Opr. w Zakładzie Słowianoznawstwa PAN pod red. G. Labudy i Z. Stiebera, t. 7, 684.

[4] Этот пример взят из документа, относящегося к монастырю на Лаутерберге (Петерсберг) вблизи Галле.

[5] Ср. Dt. Chron. 1: Deutsche Kaiserchronik (1885, ND 1965), 377 (v. 16423), цит. по: *Bellmann G.* Op. cit., 87.

[6] Для древних сорбов названо 50 крепостей, для далеминцев — 14, для мильчан — 30 и для лужичан также — 30, ср.: Materiały źrodłówe do historii Polski epoki feudalnej. Państwowe Wydawnictwo Naukowe. W-wa, 1954, 59—60; Słownik starożytnóści, t. 2, 93—94.

[7] Słownik starożytności, t. 2, 49.

[8] Соответствующий фрагмент текста по-гречески выглядит следующим образом: Ἀρχοντας δὲ ὥς φασι, ταυτα τα ἔθνη μὴ ἔχειν, πλὴν ζουπανους γέροντας, καθὼς καὶ αἱ λοιπαὶ Σκλαβηνίαι ἔχουσι τύπον. Цит. по: Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Greek text. et by Gy. Maravcsik, English transl. by R. J. Jenkins. Budapest, 1949.

[9] Słownik starożytności, t. 2, 270.

[10] Ср.: *Beševliev V.* Eine protobulgarische Inschrift auf einer Silberschale. Byz. 35 (1965), 1—9. Цит. по: Słownik starożytności, t. 7, 270.

[11] Ср.: *Pilk Jurij.* Op. cit., 132—133.

[12] Ср. 1411: «Michael Supan, vnsir vndirsesse vnd man da selbis czu Ruslicz uff der supanye unde lehngute», Märker T. Das Burggrafentum von Meissen und Landgrafen von Türingen (1100 bis 1195), hg. v. O. Posse, 1889 (=Codex diplomaticus Saxoniae regiae, Gloga—Sagan, Nr. 2).

[13] Ср. также: Bausteine zur Heimatkunde des Kreises Luckau von Dr. E. Mucke. Luckau, NL, 1918, 496.

[14] Ср.: *Pauliny E.* Začiatky kultúrneho jazyka slovenskej narodnosti. — Jazykovedné štúdie 1961, 6, 7—8; *Dorula J.* O niektorých starých slovenských slovách a pravných terminach. — Československý terminologický časopis, 1966, V, 5, 301 ff.; *Pauliny E.* Z histórie slov *špan — kňahňa* (*Kňahyňa*) — *kňaz.* — Slovenská reč, 1973, 38, 349—356.

[15] Ср.: *Zett R.* Über das Verhältnis von slavischen und ungarisch *župan — špan — ispán* im Lichte der Wortgeographie. — Ural-Altaische Jahrbücher, Fortsetzung der «Ungarischen Jahrbücher», 1975, Bd. 47, 207—216.

[16] Ср.: Das Zinsregister des Klosters Marienstern, herausgegeben von Walter Haupt und Joachim Huth. Bautzen, 1957, 272.

[17] Ср.: *Knauthe Chr.* Derer oberlausitziger Sorberwenden umständliche Kirchengeschichte. Görlitz, 1767, 210. Neuauflage mit Vorwirt von R. Olesch, Böhlau verlag. Köln; Wien, 1980.

[18] *Wenzel W.* Studien zur sorbischen Anthroponymie, Teil III, 16. Historisch-etymologisches Wörterbuch sorbischer Personennamen, 245. Dissertation zur Promotion B. Karl-Marx-Universität. Leipzig, 1979.

[19] Ср.: *Muka A.* Statistika sakskeho kralestwa. — ČMS, 1886, XXXIX, 154.

[20] *Grimm J* und *Grimm W.* Deutsches Wörterbuch. Lf. 10. Leipzig, 1879.

[21] О словенском слове см.: *Strekelj K.* Vermischte Beiträge zum slavischen etymologischen Wörterbuch. — AfslPh 1906, 28, 527.

[22] Согласно письменной информации Й. Дорули (Братислава).

[23] Ср.: *Hujer O.* K etymologii slova **panъ* — LF, 1904, 31, 106; *Hujer O.* Slavische Miszellen. — JF, 1909, 24, 70.

[24] Ср.: *Schuster-Šewč H.* Sorbische Sprachdenkmäler 16. — 18. Jh., Bautzen 1967, 291.

[25] Ср.: *Pilk Jurij.* Někotre staroserbske słowa . . . (Anmerkung 2).

[26] Ср.: *Procházka.* Župa a župan. — Slavia Antiqua (1968) XV, 1—55.

[27] *Schmid H. F.* Beiträge zur Sprach- und Rechtsgeschichte der früheren slavischen Bevölkerung des heutigen nordöstlichen Deutschlands, II Die Mei ner Vethenici bei Thietmar von Merseburg. ZfSl 1930, 7, 116—129; Słownik starożitności, t. 6, 503.

[28] Ср.: Der Wolfenbütteler niedersorbische Psalter, herausgegeben von R. Trautmann. Leipzig, 1928.

[29] В оригинале это звучит следующим образом: Formular tych wotewrenskich a kóncznich róncżkow teho Foitskeho Wieza pschi Budniskim Stole w Hodżiju 1007.

[30] Ср.: *Pilk Jurij.* Op. cit. (Anmerkung 1).

[31] Ibid.

[32] Słownik starożytności 5, 315—316.

[33] Ср.: *Schuster-Šewc H.* Zur Bezeichnung des Bauern im Slawischen: **cholpъ*, **kъmetь*, **smьrdъ*. — ZfSl 2 (1964), IX, 253.

[34] *Пльинский Г.* К вопросу о смердах. — SOc XI, 1932, 18—22.

[35] *Muka A.* Statistika . . ., S. 158 (Anmerkung 24).

[36] *Ван-Вейк Н.* О происхождении обще-славянского слова *kъmetь*. — Slavia 1925, IV, 2, 209—212.

[37] Ср.: *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1946, 171.

[38] Ср.: *Szymczak M.* Nazwy stopni pokrewieństwa i powinowactwa rodzinnego w historii i dialektach języka polskiego. W-wa, 47—49.

Перевела с немецкого *М. И. Ермакова*

Р. Эккерт

РАЗЫСКАНИЯ В ОБЛАСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ СЕМАСИОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

(установление и обоснование семантического развития слова на примере вост.-слав. диал. *волога*)

В этимологических исследованиях семантика и установление закономерностей семантического развития занимают центральное место. Это является давно известным и, пожалуй, общепризнанным положением. С ним связано огромное значение семантической реконструкции для подобного рода исследований. Новые этимологии или